

I

УТРО

Утром было сыро, шел мокрый снег. Тяжелые серые здания с запертыми дверями и ставнями нависали прямо над головами пешеходов, и из-за них утро казалось еще более мрачным.

Марк-Алем застегнул даже самую верхнюю пуговицу своего пальто, ту, которая обычно давила ему на горло, взглянул на редкие мокрые снежинки, крутившиеся вокруг железных уличных фонарей, и поежился от озноба.

Улица, как всегда в этот час, была заполнена сотрудниками столичных учреждений, спешившими, чтобы не опоздать к началу рабочего дня. Пару раз у него даже закралось сомнение, а может, зря он не взял извозчика. Дорога до Табир-Сарая оказалась длиннее, чем он думал; кроме того, по такой слякоти легко было поскользнуться, что грозило самыми скверными последствиями.

Он шел мимо Центрального банка. Вдали виднелось множество покрытых изморосью карет, стоявших перед четырехэтажным зданием, вероятно, какого-то министерства. Прямо перед ним кто-то

поскользнулся на тротуаре. Марк-Алем проследил взглядом, как бедолага в последний момент с трудом удержался, чтобы совсем не растянуться плашмя, неуклюже поднялся и, ругаясь сквозь зубы и глядя то на испачканную одежду, то на место, куда он шлепнулся, рванул вперед как ошпаренный. Осторожней надо, пробормотал Марк-Алем, непонятно даже, к кому обращаясь: то ли к незнакомцу, то ли к самому себе.

На самом деле для беспокойства не было причин. Ему не только не назначили какое-то конкретное время, но он не знал даже, нужно ли вообще приходить именно утром. Неожиданно он поймал себя на мысли, что ничего не знает о графике работы Табир-Сарая.

Ему казалось, что на лице его еще играла легкая ироничная усмешка, с которой он, по собственным ощущениям, проснулся сегодня утром. Причиной пробуждения была необходимость спешно отправиться в Табир-Сарай, Дворец Сновидений, знаменитое учреждение, занимавшееся сном и сновидениями, и данное обстоятельство у любого в его стране, помимо некоторого смущения, вызвало бы схожую усмешку. Это была последняя ночь, когда он наслаждался нормальным человеческим сном. Дальше все должно было стать совершенно другим. Как ни крути, это выглядело странно, вот только он был слишком испуган, чтобы усмешка оказалась искренней.

Откуда-то справа ударили часы, бронзовый гул медленно и задумчиво растекался в тумане. Марк-Алем ускорил шаг. меховой воротник он давно уже

поднял, но рука привычным движением попыталась сделать это снова. На самом деле шея у него не мерзла, холод он ощущал где-то в подреберье. Он сунул руку за пазуху, чтобы проверить, на месте ли рекомендательное письмо.

На какое-то мгновение ему показалось, что пешеходов на улице стало меньше. Служащие уже разошлись по своим кабинетам, со страхом подумал он и тут же успокоил себя: в конце концов, ему-то какое до них дело. Он еще не был служащим.

Вдали он вроде бы разглядел одно из крыльев Табир-Сарая. Подойдя поближе, понял, что не ошибся. Это действительно был он, с выцветшими крышами, покрытыми краской, которая некогда, похоже, была голубой.

Марк-Алем обошел полупустую площадь, где возвышалась мечеть с двумя минаретами, казавшимися на удивление тонкими. Оба крыла гигантского здания терялись в пелене мокрого снега, в то время как центральная часть отступала в глубину, словно пятясь перед чем-то. Марк-Алем почувствовал, что его смутная тревога все больше усиливается. Совершенно одинаковые входы длинной чередой возвышались один за другим, но когда Марк-Алем приблизился, то увидел, что это не входы, а наглухо закрытые намокшие ставни, не открывавшиеся с давних пор.

Он долго шел, краем глаза поглядывая на этот ряд безлюдных дверных проемов. Рядом, неизвестно откуда, вдруг возник человек с красным обмороженным носом и такими же руками.

— А где тут вход? — спросил Марк-Алем.

Тот указал рукой направо. Рукав шубы был у него таким широким, что, когда рука показывала направление, участия он в этом не принимал, оставаясь неподвижным. О господи, такого наряда мне только еще не хватало, подумал Марк-Алем, повернув туда, куда направила его тонкая рука из своего чудовищного рукава. Через некоторое время рядом с ним вновь послышались шаги. Это был все тот же человек в шубе.

— Здесь, — сказал тот, — служебный вход здесь.

Марк-Алем почувствовал удовольствие от того, что его приняли за сотрудника. Наконец-то он стоял перед входом. Створки дверей выглядели более тяжелыми, чем оказались в действительности. Их было четыре, совершенно одинаковых, с массивными бронзовыми ручками. Марк-Алем толкнул одну из них, и, к его удивлению, она открылась. Он вошел в холодный коридор, из-за необычайно высокого потолка которого казалось, что ты очутился на дне ямы. Со всех сторон были двери. Марк-Алем толкал эти двери по очереди, пока одна из них не распахнулась и он не очутился в другом коридоре, где было уже не так холодно. За стеклянной перегородкой он увидел наконец людей. Они сидели, склонившись друг к другу; похоже, это были привратники или, по крайней мере, какие-то сотрудники, поскольку одеты они были в бледно-голубую форму, напоминавшую цветом дворцовые крыши. Марк-Алему даже померещилось на мгновение, что он различил на их одежде пятна, похожие на разводы, которые он только что, как ему казалось, видел на стенах дворца. Но внимательно разгляды-

вать все это не получилось, потому что одетые в голубую форму служащие перестали разговаривать и посмотрели на него вопросительно. Марк-Алем собрался было поздороваться с ними, но, заметив в их глазах явное неудовольствие из-за прерванной беседы, вместо того, чтобы сказать «Доброе утро», произнес имя сотрудника, к которому он должен был попасть на прием.

— А, по поводу трудоустройства, — сказал один из них. — Первый этаж, одиннадцатая дверь справа.

Как и любому человеку, впервые переступившему порог важного правительственного учреждения, и тем более если сердце у него щемит от волнения, примут его на работу или нет, Марк-Алему хотелось перекинуться хотя бы парой слов с первыми из встреченных там людей, прежде чем идти дальше, но тем так откровенно не терпелось вернуться к их проклятой прерванной беседе, что он торопливо, словно его подталкивали в спину, отправился в указанном направлении.

— Не туда, направо, — раздался позади него голос. Не оборачиваясь, он пошел в нужную сторону. Наверное, он почувствовал бы себя оскорбленным, если бы не волнение и не бившая его ледяная дрожь.

Коридор был длинным и темным. В него выходили десятки высоких дверей, на которых не было никаких номеров. Он отсчитал одиннадцать дверей и остановился. Перед тем как постучать, хотел переспросить кого-нибудь, чтобы удостовериться, действительно ли это тот кабинет, что он искал. Однако в этой длинной галерее не было ни одной

живой души. Марк-Алем собрался с духом, протянул руку и тихонько постучал. Изнутри никто не ответил. Осмотревшись по сторонам, он постучал еще раз, уже сильнее. Постучав в третий раз, толкнул дверь, и, к его удивлению, она с легкостью распахнулась. Придя в ужас, он попытался закрыть ее обратно и даже протянул руку, чтобы схватить продолжавшую открываться с жалобным скрипом створку, но в это мгновение увидел, что в комнате никого нет. Он помедлил, сомневаясь, заходить ли ему в этот пустой кабинет. Он не мог припомнить, существуют ли какие-нибудь правила или официальные распоряжения относительно подобных случаев. Дверь наконец перестала скрипеть. Перед его застывшим взором предстали длинные скамьи вдоль стен. Постояв еще немного на пороге, он дотронулся рукой до рекомендательного письма, спрятанного за пазухой, набрался смелости и вошел. Черт бы побрал все это, пробормотал он про себя. Он вспомнил свой большой дом на Королевской улице, свою влиятельную родню, часто собиравшуюся по вечерам в огромной гостиной. Вспомнил, как спускался по лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, два часа назад, когда мать и служанка дожидались его к завтраку. Утром, перед тем как пойти в столовую, он заглянул в просторную библиотеку, в которой на полу лежал небесно-голубой ковер, действовавший на него всегда успокаивающе при любых треволнениях. Но сегодня этого оказалось недостаточно. Он подошел к книжным полкам, чтобы достать, как всегда в подобных случаях, толстую тетрадь, на обложке кото-

рой под большой, украшенной золотом буквой Q было написано по-турецки: «Quprillinj denbabaden». Ниже, с сильным наклоном, словно буквы писала рука, которой многочисленные перстни мешают держать перо, было добавлено французское слово: «Chronique».

Марк-Алем глубоко вздохнул, словно пытаясь хотя бы ненадолго удержать воспоминание о доме, но оно быстро растаяло, вернув его во власть кошмара. Он уловил какой-то гул голосов, непонятно откуда доносившихся. Огляделся и заметил, что в комнате была еще одна дверь. Голоса, похоже, доносились из-за нее. Он посидел еще немного, прислушиваясь, но гул оставался все таким же невнятным, как и раньше. Теперь все свое внимание он сосредоточил на этой двери, за которой, как ему показалось, было тепло.

Опершись руками о колени, он долго сидел совершенно неподвижно. Что бы ни случилось дальше, сейчас он находился внутри здания, в котором мало кому доводилось бывать. Поговаривали, что даже министры могли входить сюда только по специальному разрешению.

Перед его мысленным взором вновь возникли страницы, которые он там, в домашней библиотеке, перелистывал так стремительно, что кончики его пальцев, казалось, рождали ветер. В его памяти всплывали скорее даже не убористые строчки рукописи, а буквы, менявшиеся в зависимости от того, чьи руки их писали. Большая часть этих рук, похоже, принадлежала людям преклонного возраста или оказавшимся перед лицом бедствий, когда